

М.А. Лукан

Фарсалия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М11

М11 **М.А. Лукан**
Фарсалия / М.А. Лукан – М.: Книга по Требованию, 2021. – 348 с.

ISBN 978-5-517-88324-7

«Фарсалия, или О гражданской войне» («De Bello civili sive Pharsalia») - поэма о гражданской войне между Цезарем и Помпеем. На русский язык «Фарсалия» была переведена в 1819 г. С. Филатовым, но перевод был сделан прозой и не с латинского, а с французского языка. Перевод Л.Е. Остроумова – первый полный перевод поэмы Лукана, сделанный с латинского языка и притом стихотворным размером подлинника. Марк Анней Лукан родился в испанском городе Кордубе в конце 39 г.н.э., но воспитывался в Риме, а затем в Афинах. Умер 30 апреля 65 г.н.э. Годы рождения и смерти Лукана – единственные даты, какие можно точно установить; другие же события жизни Лукана точной датировке не поддаются. Рос и воспитывался под руководством дяди – философа Луция Аннея Сенеки. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1951 года

ISBN 978-5-517-88324-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНИГА ПЕРВАЯ

Бой в Эмафийских полях — грознейший, чем битвы сограждан,
Власть преступленья пою и могучий народ, растерзавший
Победоносной рукой свои же кровавые недра,
Родичей кровных войну, распавшийся строй самовластья
5 И состязанье всех сил до основ потрясенной вселенной
В общем потоке злодейств, знамена навстречу знаменам,
Схватки равных орлов и копья, грозящие копьям.
Что за безумье, народ, какое меча своеволие —
Сонмы враждебных племен латинскою радовать кровью!
10 В дни, как Авзонский трофей с надменных столбов Вавилона
Рвать надлежало, и Красс неотмщенною тенью скитался,
Вы увлекались войной, не сулившей Риму триумфа?
Сколько земель и морей, увы, покорить бы могли вы
Кровью, какую тогда проливали десницы сограждан, —
15 Там, где восходит Титан, где ночь укрывает созвездья,
Там, где полуденный зной пыланием землю сжигает,
Где коченеет зима, никогда от весны не смягчаясь,
Скифским морозом сковав ледовитого Понта пучину:
Серы и дикий Аракс теперь бы под иго склонились,
20 Как и народ, коль он есть, свидетель рождения Нила.
Рим, если так велика твоя страсть к неправедным войнам, —
Только когда ты весь мир подчинишь латинским законам,
Против себя обратись: еще нет во врагах недостатка!
Ныне ж, когда в городах Италии камни нависли
25 Полуразрушенных стен, и строений развалины всюду

- Грудой лежат на земле и сторожа в доме не стало,
Лишь кое-где старожил по древнему городу бродит,
Вся же Гесперия вокруг невозделана многие годы
В жестких колючках лежит, и рук нехватает для пашни, —
30 Нет, ни яростный Пирр, ни Пуниец виновником стольких
Не был потерь и мечом не умел так глубоко проникнуть:
Сотни зияющих ран нанесла рука гражданина!
Но, коль иного пути не нашли для прихода Нерона
Судьбы, и грозной ценой покупается царство всевышних
35 Вечное, и небеса подчиниться могли Громовержцу
Только когда улеглось сраженье свирепых гигантов, —
Боги, нельзя нам роптать: оплачены этой ценою
И преступления, и грех; и пусть на Фарсальской равнине
Кровью залиты поля и насытились маны Пунийца;
40 Пусть и решительный бой разразился у гибельной Мунды;
Цезарь, к несчастиям тем прибавь и осаду Мутины,
Голод Перусии, флот у суровой Левкады погибший
Да и с рабами войну под склонами огненной Этны:
Все же гражданской войне мы обязаны многим: свершалось
45 Все это ради тебя! Когда, отстояв свою стражу,
Старцем к светилам взойдешь, тобой предпочтенное небо
Встретит с восторгом тебя; держать ли ты скипетр захочешь,
Или же ввысь воспарить в колеснице пылающей Феба,
Чтобы оттуда земле, не испуганной сменю солнца,
50 Пламенем новым сиять, — божества тебе всюду уступят
И предоставит природа права, каким бы ты богом
Стать ни решил и где бы свой трон ни воздвиг над вселенной.
Только престола себе не ставь ты в северном круге,
Или на полюсе том, обжигаемом ветром противным,
55 Видеть откуда свой Рим твое солнце лишь искоса сможет.
Если ты ступишь ногой на край безмерного свода —
Дрогнет под тяжестью ось; блюди равновесие мира,
Став посредине небес; пусть эта эфирная область
Ясной останется вся, в облаках да не скроется Цезарь.
60 Пусть человеческий род, оружие бросив, стремится

- К общему благу в любви; и мир, по вселенной разлившись,
Да заградит навсегда железные Януса двери.
Мне ж ты — давно божество, и если ты в сердце поэта
Внидешь, не надо мне звать вдохновителя таинств Киррейских,
65 Вахха не буду тогда отвлекать от родной его Нисы:
Мощи один ты вольешь достаточно в римские песни!
Дух мой дерзает раскрыть причины великих деяний,
Труд необъятный предстал мне: что же погнало к оружию
Ярости полный народ и мир из вселенной исторгло?
70 Судеб завистливых ряд, не дающих великому долго
Выстоять; тяжкий распад от его непомерной громады,
Рим, не сносящий себя. Когда распадутся все связи,
И завершит все века последний час мироздания,
К древнему хаосу вновь устремясь, то созвездья столкнутся
75 В кучу, а пламя светил устремится на глади морские,
И берегов простирать не захочет уж более суша,
Воды она отряхнет, и кинется брату навстречу
Феба, уставшая гнать лошадей по наклонному кругу,
Требуя дня для себя, — и все мировое строенье
80 В полном расстройстве своем нарушит законы вселенной.
Рушат громады себя: ограничила этим пределом
Воля богов благоденствия рост. Судьба не уступит
Ни одному из племен свою зависть к народу, владыке
И на земле, и в морях. Ты сам своих бедствий причина,
85 Рим, потому что ты стал трех владык достойным, и ныне
Их смертоносный союз смятенье несет государству.
О, расточители смут, ослепленные дикою страстью!
Что вам за сласть в состязании сил, в полном обладанья
Миром? Пока поднимать будет воды земля, а всю землю
90 Воздух, откуда Титан продолжает свой труд бесконечный,
Ночь пробегает за днем в небесах по тем же созвездьям, —
Верности нам не знаять в соучастниках власти, и каждый
Будет к другим нетерпим. Роковых не ищите примеров
У чужестранных племен и в веках, давно миновавших.
95 Братскою кровью у нас забрызганы первые стены.

Но ни земля, ни моря в то время предметом раздора
Не были: этих владык их тесный участок поссорил.

Краткое время раздор под личиной согласия скрывался.

Мир царил не по воле вождей; единой помехой

100 Против грядущей войны был Красс. Как валы рассекает

И разделяет с трудом рубеж неширокого Истма,

Не позволяя сойтись пучинам — коль суша уступит,

Море Эгейское вмиг с Ионийским столкнется, — вот так же

В час, когда Красс погиб, суровых вождей разнимавший,

105 Кровью латинской, увы, оросив ассирийские Карры, —

Эта победа парфян распоясала римскую ярость.

Больше, чем думали вы, совершив этот бой, Арсакиды:

Вы побежденным врагам подарили гражданские войны!

Меч тираннию дробит. и богатства народа-владыки,

110 Морем, и твердой землей, и целым владевшего миром,

Мало теперь для двоих. Потому что, связанный кровью,

Их дружелюбья залог — свой зловеющий свадебный факел,

Грозной рукою Сестер отсеченная, к манам с собою

Юлия прочь унесла. О, если бы рок справедливый

115 Дни твоей жизни продлил, ты одна только в мире сумела б

Бешенство мужа смирить и родителя гнев успокоить,

Руки их соединить, мечи обнаженные выбив, —

Так же, как тестей с зятьями сабинянки соединили.

Гибель твоя унесла и клятвы, вождям разрешивши

120 Междоусобье начать: подстрекала соперников доблесть:

Ты, о Великий Помпей, боишься, чтоб старых триумфов

Новый герой не затмил, и лавр побед над пиратом

В галльских боях не увял. В тебе же к походам привычка

Дух возбуждает, и ты со вторым не помиришься местом:

125 Цезарь не может признать кого бы то ни было — первым.

Равных не терпит Помпей. В чем оружии более права —

Ведать грешно. Но призвал защитника сильного каждый:

Мил победитель богам, побежденный любезен Катону.

Вовсе не равны враги: один из них, в летах преклонных,

130 Тогой гражданской своей давно уже тело покая,

- Быть разучился вождем от долгого мира; он ищет
Славы и, чернь веселя, увлекаясь любовью народной,
Рад он в театре своем выслушивать рукоплесканья,
Новых не черпая сил и душой доверяясь чрезмерно
135 Препней счастливой судьбе. То — великого имени призрак;
Дуб величавый таков посреди полей плодоносных,
Весь под дарами вождей, под добычею древней народа:
Уж не впивается он корнями могучими в землю,
Держится весом своим и, голые ветви подъявля,
140 Тень от нагого ствола, не от листьев зеленых кидает;
Хоть и грозит он упасть, пошатнувшись от первого ветра,
Хоть возвышаются вокруг леса в своей силе цветущей, —
Только ему весь почет. А у Цезаря было не столько
Чести и славы вождя, сколь доблести той, не умевшей
145 Смирно стоять, был единственный стыд — не выиграть битву:
Неукротим и могуч, он вел легионы, куда их
Гнев иль надежда влекли, никогда не зная пощады,
Множил успехи свои, божество вынуждал на подмогу,
Все разрушал, что ему на дороге помехой стояло,
150 И с ликованьем в душе свой путь пролагал меж развалин.
Так, порождение бурь, сверкает молния в тучах
И, потрясая эфир, грохочет неистовым громом,
День прерывает и страх между робких рождает народов,
Им ослепляя глаза косым полыханием блеска;
В небе бушует она, и нет никакой ей преграды:
155 Бурно падая вниз и бурно ввысь возвращаясь,
Гибель сеет кругом и разметанный огонь собирает.
Вот побужденья вождей; но в обществе также таились
Братской войны семена, всегда потоплявшей народы.
160 Ибо, когда принесло военное счастье чрезмерный
Дар покоренных племен, — от богатства испортились нравы,
И ограбленье врагов, их достаток — посеяли роскошь.
Великолепью палат и золоту меры не стало,
Трапезы предков — скудны; едва ли приличные женам
165 Носят наряды мужья; героев плодящая бедность

- В пренебреженьи; и вот со всего собирается мира,
 То, что народ развращает. В те дни пределы имений
 Вширь раздались, и поля, взбороненные строгим Камиллом,
 Врытые прежде киркой и мотыкою Курнез древней,
 170 Стали уделом иных, неведомых сельских хозяев.
 Был уж не тот народ, которому мир и свобода
 Силы крепили, храня в бездействии долгом оружье.
 Быстро рождается гнев; на злодейства — нужды порожденье —
 Смотрят легко; а мечом захватить в свои руки отчизну —
 175 Это великая честь; и ставят мерою права
 Силу; в неволе закон и решенья народных собраний,
 Консулы права не чтут и его попирают трибуны;
 Ликторов связки отсель покупные, народ, продающий
 Милость свою за металл, и торг для Рима смертельный —
 180 Торг должностями в борьбе ежегодной на Марсовом Поле;
 Хищный отсюда процент, беспощадные сроки уплаты, —
 И поколеблен кредит, и война стала выгодной многим.
 Цезарь уже перешел поспешно холодные Альпы,
 Замысел в сердце тая о великих будущих войнах.
 185 В час, когда он подступал к нешироким волнам Рубикона,
 Родины смутной предстал предводителю призрак огромный;
 Светлым, но грустным лицом сияя в сумраке ночи
 И с башненосной главы седины свои рассыпая,
 Космы он рвал на себе, обнаженные руки подъявля,
 190 Стон испуская глухой, воскликнул: «Куда вы стремитесь?
 Мчите знамена мои куда? Если право за вами,
 Ежели граждане вы, — здесь граница последняя: стойте!».
 Трепет вождя охватил, волосы поднялись и, прервавши
 Натиск, в бессилии он возле самой воды задержался.
 195 «О Громовержец! — он рек, — озирающий с зыси Тарпейской
 Стены столицы своей, о пенаты фригийские рода
 Юлиев, ты, о Квирии, вознесенный тайно на небо,
 Ты, обитающий в Альбе крутой — Юпитер Латинский,
 Весты святой очаги, о подобие высшего бога, —
 200 Рим, — покровительствуй мне; не тебя преследую ныне

- Буйным оружием я; победитель на суше и море,
Всюду я — твой солдат, если быть им дозволишь и ныне.
Тот будет впредь виноват, чрез кого я врагом твоим стану!».
- И, ускоряя войну, чрез набухшую реку он быстро
205 Двинул знамена свои. Так в знойной пустыне Ливийской
Лев, заприметивши вдруг врага у себя по соседству,
Весь припадает к земле и колеблется, гневом исполнен,
Хлещет свирепо хвостом, себя самого разъяря,
Гриву вздымает, и рев из зияющей пасти несется:
- 210 Тут, если в бок вонзится копье проворного мавра
Или в широкую грудь вопьется рогатина снизу, —
Рану такую презрев, на железо он прыгает дерзко.
Узким течет ручьем и струею бежит мелководной
Красный поток Рубикон в пылании знойного лета,
215 Бьется по низким лугам, отделяя надежной границей
Жителя галльских полей от Авзонских селений и пашен.
Множила ныне зима его мощь и наполнила волны
Кинфия третья своим отягченным ливнями рогом,
Так же и таянье Альп под сырм дуновением Эвра.
- 220 Конница первая здесь в быстрину кидается смело,
Переграждая поток; а прочее войско по броду
Вольно стремится вослед сквозь уже усмиренные волны.
Цезарь, пучину пройдя и выйдя на берег противный,
Молвил, свой стан укрепив на Гесперии низах запретных:
- 225 «Здесь нарушаю я мир и врагом оскверненное право;
Счастье, иду за тобой; да не будет отныне законов!
Ныне веряюсь судьбе, война да предстанет судьбою!».
С речью такую повел свое войско вождь неусыпный
В ночь; он быстрее летит, чем камень с пращи балсарца.
- 230 Легче стрелы, что назад на скаку запускает парфянин;
Он, уже Риму грозя, в Аримин соседний вступает
В час, когда звезды бегут пред зарей, Светоносца оставив.
Вот уж рождается день, которому видеть придется
Первую вспышку войны: но по воле богов, или Австра,
235 Тучи собранного вкруг, — осталось сумрачным небо.

Цезарь войскам приказал значки на форуме взятом
Складывать; скрипы рожков и грохот трубы сочетают
Свой нечестивый сигнал с гудением хриплого рога.
Вспугнут народный покой, и юноши, с ложа вскочивши,
240 Мчатся — скорей отвязать от священных пенатов оружие,
Спавшее в мире давно; хватают погнутые копья,
Ветхие, в дырах, щиты, из которых повывлезли прутья,
Сотни корявых мечей, изъеденных ржавчиной черной.
Но, когда Рима значки знакомым орлом засверкали
245 И в окруженьи когорт им Цезарь надменный явился, —
Души их страх охватил, и холодом ужас сказал их,
И на безгласных устах немые застыли упреки:
«О, наши стены стоят на горе так близко от Галлов!
О, это место скорбей! Над всеми народами веет
250 Мир и глубокий покой; а мы для губителей — жертва,
Лагерь их первый всегда! Фортуна! Было бы лучше
Дать на востоке нам дом, иль под северным небом холодным
Дать кочевые шатры, чем ставить нас Лация стражем!
Видели первыми здесь мы набегу сенонов и кимвров,
255 Марса Ливийского гнев и яростный натиск тееонов, —
Сколько бы раз на Рим ни падали судеб удары,
Здесь — дорога всех войн!». Так ропщут они затаенно,
Явно свой страх боясь выражать; ни единому слову
Скорбь не доверена их; но, как немые поля, когда птицы
260 Смолкнут зимой, как без шума лежит открытое море, —
Так царит тишина. Холодные тени ночные
Свет разогнал, — и факелы войн, язвя своим жалом
Косный в сомнении ум, к боям побуждают, и судьбы
Рушат преграды стыда; Фортуна старается правом
265 Натиск вождя оправдать и находит предлоги для брани:
Все попирая права, сенат из смятенного Рима
Буйных трибунов изгнал, угрожая им участью Гракхов.
Те под знамена вождя бегут, но благо он близко,
С ними спешит Курион — оратор продажный и дерзкий, —
270 Гласом народа он был когда-то, стоял за свободу

И на военную знать дерзал поднимать он плебеев.
Этот, вождя увидав, омраченного тяжкой заботой,
Молвил: «Доколе я мог помогать твоей партии, Цезарь,
Я убеждал продлить твою власть против воли сената
275 В дни, когда было дано мне право стоять на трибуне
И, привлекая к тебе, разгонять сомненья квиритов.
В день, как под игом войны угнетенные смолкли законы,
Изгнаны мы из отчих домов и несем добровольно
Ссылку; победа твоя восстановит наше гражданство.
300 Ты, пока недруг дрожит, никакой не поддержанный силой,
Прочь замедленья отринь; созревшее губят отсрочки!
Больше получишь теперь ты за труд и опасность, чем раньше.
Два пятилетия тебя держала Галлия в битвах —
Мира ничтожный клочок. А теперь — хоть несколько стычек
265 Выиграй только — тебе вселенную Рим предоставит!
Ныне ведь пышный триумф твоего не украсит прихода,
И Капитолий теперь священного лавра не просит;
Зависть тебя обошла, — и вряд ли тебя не накажут
За покоренье племен! Но сбросить тебя с престола
290 Твердо твой зять порешил; разделить ты мира не можешь, —
Можешь владеть им один!». Призывом своим возбудил он
Новое рвенье к войне и сердце зажег полководца:
Так олимпийский скакун, побуждаемый криком, стремится
Вываться прочь из оград, хоть еще заперта загородка,
305 Яростно ломится в дверь и ногами сбивает засовы.
Тотчас к знаменам зовет при оружии воинов Цезарь;
Взором суровым смилив смятенье взволнованных полчищ
И манозеньем руки тишину водворив, говорит он:
«О сотоварищи битв, испытавшие вместе со мною
360 Тысячи бедствий войны, — мы десять уж лет побеждаем:
Что заслужила нам кровь, пролитая на северных нивах,
Тяжкие раны, и смерть, и зимний под Альпами лагерь?
Рим не меньше кипит великим военным смятеньем,
Чем клекотал бы, коль вновь Ганнибал перешел бы чрез Альпы:
365 Силу могучих когорт пополняют кругом новобранцы;

- Рушатся всюду для флота леса; в морях и на суше
 Цезаря велено гнать. Что, если бы эти знамена
 Вражеский Марс одолел и с тылу нахлынули толпы
 Галльских свирепых племен? Теперь, когда наши успехи
 310 Множит судьба, и голос богов на подвиги кличет, —
 Нас атакуют! Пусть вождь, расслабленный долгим покоем,
 Набранных наспех ведет и сторонников, в тогу одетых, —
 С ними болтливый Марцелл и Катоны — лишь имя пустое!
 Что же? Иль долго еще покупные клиенты Помпея
 315 Будут его пресыщать постоянно царскою властью?
 Править ему ли триумф, хоть возраст еще не дозволил?
 Он ли не сложит вовек однажды захваченной чести?
 Буду ль я ныне роптать на им угнетенные села,
 Голод, им взятый в рабы? Кто не слышал, как войско смешалось
 320 С форумом робким, когда мечей угрюмых сверканье
 Судей испуганных вдруг окружило нежданной оградой
 И дерзновенный солдат закона святыню нарушил
 В час, как Помпея отряд подсудимого запер Милона?
 Так и теперь, чтоб не быть не у власти под старость, он хочет
 325 Черную сеять войну, искушенный в смутах гражданских,
 Он, в преступленьях своих превзошедший учителя Суллу.
 Тигры свирепые так не смиряли вовек свою ярость
 В чаще Гирканской, стремясь по стопам матерей кровожадных.
 Крови растерзанных стад отведавши в юности давней:
 330 Так и тебя, Помпей, клинок у Суллы лизавший,
 Вечная жажда томит! Ведь горло смочив хоть однажды,
 Кровь не позволит вовек укротить оскверненные пасти.
 Где же предел обретет могущество долгое это?
 Где преступлений рубеж? Так пусть же твой Сулла научит.
 335 О нечестивец, тебя спуститься с этого трона!
 Иль киликийцев разбив и Понтийское дряхлое царство
 В битвах, насилию тогда законченных варварским ядом, —
 Хочет Помпей, чтобы стал последним данником Цезарь,
 Ибо победных орлов по приказу его не сложил я?
 340 Если из рук у меня ускользнет моя мзда за лишенья,